

ему показалось в этой напряженной обстановке, должен был высказать. Кроме того, воображение поэта создает для нас подлинные миры там, где без его участия мы увидели бы только пустыни и тюрьмы. Фрост назвал Хрущева “разбойником”, и это слово перешло из подлинного поэтического мира в мир публичных заявлений; в общей неразберихе Фрост не услышал, а может, не захотел услышать вопрос журналиста, действительно ли он имел в виду то, что сказал, — и люди поняли это слово по-своему, буквально. Журналисты оказали Фросту плохую услугу. Точно так же, я думаю, те люди, которые превратно поняли восхищение Фроста Хрущевым и Россией, должны сейчас признать, что проявили обывательскую ограниченность. Как заявил Фрост в октябре после своего возвращения из России на Национальном поэтическом фестивале в библиотеке Конгресса, “Я жизнью своей прекрасной готов биться об заклад” — самое замечательное из всех жаргонных выражений. Если ты не готов биться об заклад своей жизнью, как бы прекрасна она ни была, ты не игрок”. Впоследствии Фрост, чтобы не оставалось никаких сомнений в его теплом отношении к новым русским друзьям, скажет: “Я хочу послать подарки русским поэтам. Чудесные ребята. Я хочу послать им кое-какие серебряные вещи времен революции. Нашей американской революции. Я так им и напишу”. Какие общие выводы о политической ситуации он сделал? “Мы занимаемся великими мировыми вопросами, и у нас это неплохо получается,” — сказал он. На пресс-конференции в гостиничном номере на вопрос о культурных обменах он ответил так: “Хорошо, когда они двусторонние. Они должны быть двусторонними. Но очень много, — добавил он, — значит великодушные, наши страны — соперницы в великодушии”. Эти слова можно сделать эпиграфом ко всей поездке Фроста.

Днем в ту субботу он выступил со своими стихами перед сотрудниками американского посольства и их детьми. Он